

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.34670/AR.2026.20.66.022

Социально-психологическая модель связи интолерантности к неопределённости, ригидных социальных установок и когнитивной ригидности

Мезрина Алла Николаевна

Аспирант,
кафедра прикладной психологии и развития личности,
Херсонский государственный педагогический университет,
275722, Российская Федерация, Скадовск, ул. Покровская, 7а;
e-mail: alla_83_ur@mail.ru

Аннотация

Интолерантность к неопределённости и иррациональные убеждения изучаются преимущественно в клиническо-психологической, индивидуально ориентированной рамке, тогда как их социально-психологическое измерение остаётся недостаточно изученным. Цель статьи: теоретически обосновать механизмы, связывающие интолерантность к неопределённости, ригидные социальные установки и когнитивную ригидность; предложить интегративную модель взаимного воспроизводства. Теоретическим анализом и синтезом публикаций 2019–2026 гг. на основе многоуровневой комплементарности интегрированы социально-когнитивная теория А. Бандуры, функциональная теория установок, теория когнитивного закрытия А. Круглянского, теория неопределённости–идентичности М. Хогга и теория жёсткости–гибкости культур М. Гельфанд. Предложена интегративная циклическая модель, в которой интолерантность к неопределённости выступает диспозиционным фактором, задающим вход в цикл и индивидуальные различия в уязвимости, и узлом замкнутого контура воспроизводства. Модель описывает три механизма: социальное подкрепление долженствований, межличностное воспроизводство ригидных схем и групповую легитимацию избегания неопределённости. Рамка связывает индивидуальную устойчивость к неопределённости с гибкостью или ригидностью нормативной среды и описывает уязвимость групп к радикализации и недостоверным нарративам, что определяет её востребованность в образовательных, организационных и профилактических контекстах.

Для цитирования в научных исследованиях

Мезрина А.Н. Социально-психологическая модель связи интолерантности к неопределённости, ригидных социальных установок и когнитивной ригидности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 4А. С. 196-206. DOI: 10.34670/AR.2026.20.66.022

Ключевые слова

Интолерантность к неопределённости, социальные установки, когнитивная ригидность, когнитивное закрытие, групповая идентификация, жёсткость–гибкость культур, общественная неопределённость, радикализация.

Введение

В условиях продолжающейся трансформации социальных, экономических и политических условий жизнедеятельности устойчивость привычных механизмов прогнозирования реальности снижается, что обостряет субъективную потребность личности в когнитивной определенности. Ведущими источниками стресса для большинства граждан выступают трудности планирования будущего, финансовая нестабильность и ситуации высокой неопределенности. Феномен неопределенности анализируется в двух взаимодополняющих аспектах: как характеристика внешней среды и как особенность внутренней сферы личности, что усиливает значимость субъективного отношения личности к неопределенности [Блинова и др., 2026, с.113].

В психологической науке интолерантность к неопределенности (далее - ИТН) и иррациональные убеждения традиционно изучаются как относительно самостоятельные феномены преимущественно в клинико-психологической рамке. В работах последних двух десятилетий ИТН концептуализируется как трансдиагностический фактор, ассоциированный с тревожными расстройствами, депрессией и обсессивно-компульсивной симптоматикой, причем накопленные данные указывают, что ИТН функционирует не как следствие, а как предиктор этих расстройств [Carleton, 2016; Buhr, Dugas, 2006]. Вместе с тем доминирующий исследовательский интерес сосредоточен преимущественно в клинической психологии и носит индивидуально ориентированный характер, тогда как социально-психологическое измерение ИТН – ее укорененность в процессах социализации, межличностного взаимодействия и групповой регуляции – остается недостаточно изученным. В настоящей работе содержательная сторона дисфункционального мышления берется в социально-психологической, а не клинической рамке: в качестве ее носителя рассматривается социальная установка (аттитюд) как регулятор социального поведения, а иррациональные убеждения трактуются как частный случай ригидных установок. Такой ракурс представляется существенным для понимания того, какие личностные и когнитивные характеристики повышают уязвимость индивидов и групп в условиях общественной неопределенности – в частности, их восприимчивость к ригидным идеологическим установкам, недостоверным нарративам и неадаптивным формам поведения в кризисных ситуациях. Анализируется, посредством каких устойчивых межличностных и групповых механизмов взаимосвязь ИТН, ригидных социальных установок и когнитивной ригидности не только формируется, но и воспроизводится в социальном взаимодействии. Введение третьего конструкта – когнитивной ригидности – позволяет развести содержательную и процессуальную стороны дисфункционального мышления и описать их взаимосвязь не как линейную, а как циклическую. Сведения об онтогенетических и культурных предпосылках приводятся далее в объеме, необходимом для самодостаточности изложения.

Цель статьи – теоретически обосновать социально-психологические механизмы, связывающие ИТН, ригидные социальные установки и когнитивную ригидность, и предложить интегративную модель их взаимного воспроизводства. Достижение цели предполагает решение следующих задач: 1) операционализировать ключевые конструкты, развести их предпосылки, содержание и механизм, а также соотнести их со смежным понятием потребности в когнитивном закрытии; 2) описать микросоциальные и макросоциальные предпосылки формирования ИТН; 3) реконструировать механизм перехода от ИТН к ригидным социальным установкам; 4) выделить и систематизировать социально-психологические механизмы воспроизводства взаимосвязи трех конструктов.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу работы составили социально-когнитивная теория (А. Бандура); функциональная теория социальных установок (Д. Катц); теория потребности в когнитивном закрытии (А.Круглянский, Д. Вебстер); теория неопределенности–идентичности (М.Хогг); теория жесткости–гибкости культур (М. Гельфанд); когнитивная модель (А. Бек) и рационально-эмотивного подхода (А. Эллис).

В работе проведен анализ и синтез данных, представленных в рецензируемых научных изданиях за период 2019–2026 гг., индексируемых в базах Scopus, Web of Science, РИНЦ, в научной электронной библиотеке (НЭБ) eLIBRARY.RU. Поиск осуществлялся по ключевым словам и сочетаниям (интолерантность к неопределенности, intolerance of uncertainty, иррациональные убеждения, irrational beliefs, когнитивная ригидность, cognitive rigidity/flexibility, когнитивное закрытие, need for closure, мотивированное социальное познание, motivated social cognition).

Результаты и обсуждение

В классическом определении М. Фристана ИТН понимается как комплексная реакция личности, которая состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого [Freeston et al., 1994]. Согласно концепции Р. Карлетона, ИТН диспозиционная характеристика, возникающая в результате негативных убеждений относительно неопределенности и ее последствий [Carleton, 2016]. В отечественной психологии Т.В. Корнилова определяет ИТН как негативное отношение, которое включает неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснять [Корнилова, 2014, с.19].

В рамках данной работы ИТН определяется как личностная диспозиция, характеризующаяся неспособностью переносить неопределенность будущего, сопровождающаяся когнитивным и эмоциональным дискомфортом, потребностью в контроле, сужением поля допустимых сценариев развития событий и избеганием неопределенных ситуаций.

Принципиальным для предлагаемой модели является разведение процессуальной и содержательной сторон дисфункционального мышления. Когнитивная ригидность характеризует процессуальную сторону и операционализируется как инертность, трудность в переключении между когнитивными стратегиями и отсутствие альтернатив вариантов развития событий [Martin, Rubin, 1995].

Ригидные социальные установки составляют содержательную сторону. Определение социальной установки (аттитюд), которое дает С. Гордеева предполагает ее интерпретацию как готовность субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей, формируемой на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту [Гордеева, 2016, с.140]. Существенно, что социальная установка выполняет когнитивную функцию оценки объекта и тем самым снижает неопределенность, поставляя готовую оценку вместо необходимости заново интерпретировать каждую ситуацию [Katz, 1960]

Под ригидной установкой понимается установка не обновляемая при рассогласовании с опытом. Классическое описание ригидности систем убеждений восходит к концепции

догматизма М. Рокича, противопоставившего «открытый» и «закрытый» ум по критерию способности перестраивать когнитивно-аффективную систему при поступлении нового знания [Rokeach, 1960].

Иррациональные убеждения могут быть интерпретированы как частный случай в социально-психологической перспективе с нормативным компонентом (долженствование). Согласно когнитивной модели А. Бека, убеждения дифференцируются на центральные убеждения, промежуточные убеждения (правила и долженствования) и автоматические мысли [Beck, 1976]. В исследовании мы сосредоточены на установках-долженствованиях. В рационально-эмотивном подходе А.Эллиса данные убеждения отличаются ригидностью, абсолютностью («должен», «обязан», «необходимо»), несоответствием эмпирической реальности и неадаптивным поведением [Ellis, 1962]. Таким образом, когнитивная ригидность описывает то, как функционирует мышление, а ригидные установки то, что оно утверждает и как оценивает. Во взаимосвязи с ИТН эти стороны образуют единый контур.

Отдельного уточнения требует соотношение трех рассматриваемых конструктов с понятием потребности в когнитивном закрытии. Под потребностью в когнитивном закрытии определяется как мотивационная переменная, стремление к определенному ответу и избегание двусмысленности, проявляющееся в тенденциях «схватывания» и «замораживания» суждений [Kruglanski, Webster, 1996]. ИТН и потребность в закрытии соотносятся как аффективно-диспозиционная и мотивационно-процессуальная стороны отношения к неопределенности. Именно поэтому потребность в закрытии используется ниже как пояснительный конструкт для механизма межличностного воспроизводства ригидности, а не как самостоятельный узел модели.

Предпосылки формирования ИТН, микро- и макросоциальный уровень. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, высшие психические функции первоначально возникают в интерпсихической форме, как отношения между людьми, и лишь затем интериоризируются [Выготский, 1960]. Повторяющийся опыт взаимодействия с родительскими фигурами формирует у ребенка систему ожиданий относительно допустимости и безопасности собственного поведения. Родительский контроль, оценка и санкции со временем интериоризируются в когнитивные схемы прогнозирования социальных последствий. Отечественная традиция изучения опережающего отражения действительности и вероятностного прогнозирования (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, И.М. Фейгенберг) позволяет описать механизм этого перехода следующим образом. При непредсказуемом или небезопасном раннем опыте нарушается формирование адекватной вероятностной модели будущего, и закрепляется устойчивое ожидание негативного исхода в ситуациях неопределенности [Анохин, 1978; Бернштейн, 1990; Фейгенберг, 1973]. Что в свою очередь, опосредуется стилем привязанности и ожиданием, и может рассматриваться как онтогенетическая предпосылка ИТН [Сергиенко, 2006].

На макросоциальном уровне отношение к неопределенности опосредуется культурным контекстом. Ценностную ориентацию описания соответствующих различий задала модель культурных измерений Г.Хофстеде с индексом избегания неопределенности [Hofstede, 1980]. Однако впоследствии модель была подвергнута критике за психометрические ограничения и риск экологической ошибки, но сохранила значение для последующих концепций [Minkov, 2018]. Однако индекс Г. Хофстеде фиксирует ценностную выраженность избегания неопределенности, не раскрывая механизма, посредством которого она поддерживается. Данный пробел восполняет теория жесткости-гибкости культур М. Гельфанд, измеряя силу

нормативной регуляции поведения. Жесткие культуры характеризуются строгими, четко регламентированными социальными нормами и высокой степенью контроля с низкой толерантностью к отклоняющемуся поведению. Гибкие культуры отличаются более мягкими нормами и более высокой толерантностью к девиации (отклонению от стандартов) [Gelfand et al., 2011].

В предлагаемой модели диспозиция ИТН выступает относительно инвариантным по структуре звеном, тогда как содержание ригидных социальных установок культурно детерминировано. Инвариантность относится к структуре и функциональной роли диспозиции, а не к ее среднему уровню, межкультурные различия в котором остаются предметом эмпирических исследований.

Механизм перехода от ИТН к ригидным социальным установкам. Ригидная модель ожидаемого будущего, формируемая ИТН, задает жесткие критерии допустимого развития событий. Столкновение с неопределенностью порождает рассогласование между прогнозом и реальностью как нарушение ожиданий (ошибку прогноза), переживаемое как авersive неопределенность. Современные модели предиктивной обработки описывают такое рассогласование как ошибку предсказания, а саму неопределенность как состояние, мобилизующее ресурсы организма и переживаемое как стресс при невозможности ее редукции [Peters et al., 2017], что дополняет отечественную традицию вероятностного прогнозирования нейрокогнитивным механизмом. Адаптивное разрешение рассогласования требует перестройки прогностической модели, что предполагает толерантность к неопределенности и когнитивную гибкость; однако у лиц с выраженной ИТН обе функции ограничены. Вследствие этого рассогласование разрешается не через пересмотр модели, а через усиление установок-долженствований («я должен контролировать ситуацию», «все должно быть предсказуемо», «неопределенность недопустима»). Закрепляясь, данные установки выполняют функцию снижения неопределенности, что приводит к субъективному подкреплению. Тем самым реконструируется последовательность опосредующих звеньев: ригидная антиципация → нарушение ожиданий → закрепление ригидных установок. В свою очередь индивидуально-когнитивная цепь не является самодостаточной. Устойчивость может обеспечиваться социально-психологическими механизмами, рассматриваемыми далее.

Механизм 1: социальное подкрепление нормативных долженствований. Ригидные социальные установки содержат нормативный компонент, а социальная среда выступает не нейтральным, а поддерживающим контекстом по отношению к подобным установкам. Согласно социально-когнитивной теории А. Бандуры, усвоение и закрепление установок осуществляется через наблюдение за значимыми другими, моделирование и социальное подкрепление [Bandura, 1986]. Ориентации на контроль, и предсказуемость нередко получают одобрение. На макросоциальном уровне теория жесткости–гибкости культур показывает, что в культурах с жесткой нормативной регуляцией стратегии минимизации неопределенности становятся культурно легитимными [Gelfand et al., 2011]. В результате возникающее напряжение разрешается не через пересмотр установок, а через усиление нормативных требований к контролю.

Механизм 2. Межличностное воспроизводство ригидных когнитивных схем. Ключевым для этого механизма является встречная адаптация социального окружения к ригидным стратегиям индивида. Сталкиваясь с устойчивыми ригидными реакциями, партнеры по взаимодействию склонны упрощать коммуникацию, избегать спорных и неоднозначных тем. Подстраиваясь под предсказуемый сценарий индивида, и лишая его корректирующего опыта поведенчески

подкрепляется ригидность. Средовой контур надстраивается над индивидуальной тенденцией к селективному подтверждению исходных ожиданий [Kruglanski, Webster, 1996]. Далее, на межличностном уровне проявляется стереотипизация и снижение чувствительности к позиции другого. Таким образом, когнитивная ригидность как процессуальная характеристика воспроизводится именно социально потому, что окружение не меняет опыт, способный ригидность опровергнуть.

Механизм 3. Групповая легитимация избегания неопределенности. Согласно теории неопределенности–идентичности М. Хогга, субъективно переживаемая неопределенность относительно собственного «Я», социальных ролей и будущего усиливает мотивацию к групповой идентификации. Причем предпочтение отдается группам с высокой энтитативностью и с выраженной нормативной структурой и четкими правилами [Hogg, 2007].

Интегративная циклическая модель. Объединение трех механизмов позволяет описать взаимосвязь ИТН, ригидных социальных установок и когнитивной ригидности как замкнутый цикл взаимного воспроизводства, в котором каждый конструкт одновременно выступает и следствием предшествующих процессов, и фактором их дальнейшего поддержания. Высокая ИТН способствует формированию установок о необходимости определенности и контроля (механизм 1); повторяющееся следование установкам, сопровождаемое социальным подтверждением, повышает вероятность их закрепления (механизм 2); когнитивная ригидность повышает вероятность идентификации с нормативно жесткими группами, в которых избегание неопределенности получает дополнительную социальную легитимацию (механизм 3). Групповая идентификация на диспозиционном уровне усиливает зависимость от внешних источников определенности и снижает собственную толерантность к неопределенности. Благодаря этому расхождению краткосрочное облегчение оборачивается долгосрочным ростом уязвимости, что и придает контуру самоусиливающийся, а не гасящий характер. Звенья контура функционируют на неодинаковых временных масштабах. Краткосрочные эпизоды нарушения ожиданий кумулятивно встраиваются в более устойчивые межличностные, групповые и культурные структуры, поэтому замыкание контура разворачивается не одномоментно, а в разных временных планах.

Следует развести два уровня, на которых ИТН входит в модель. На диспозиционном уровне ИТН выступает относительно устойчивым личностным фактором, объясняющим вход индивида в цикл и межиндивидуальные различия в уязвимости к нему. На уровне функционирования контура ИТН является одним из его равноправных узлов, который усиливается на каждом обороте за счет обратной связи от группового механизма. Тем самым тезис о диспозиционной первичности ИТН и представление о ее равноправном участии в цикле не противоречат друг другу, а относятся к разным планам описания. Первый объясняет, почему контур запускается и у кого, а второй как он поддерживает себя после запуска.

Циклический характер модели ставит вопрос о ее принципиальной опровержимости. Модель предсказывает: а) наличие положительных взаимных (реципрокных) связей между тремя конструктами, а не строго однонаправленной причинности; б) усиление этих связей при росте средовой неопределенности; в) опосредующую роль группового подтверждения в звене обратной связи. Конкурирующими и потенциально опровергающими исходами выступали бы строго однонаправленная причинность без обратных путей, отсутствие эффекта групповой легитимации либо статистическая независимость конструктов друг от друга. Социально-психологический уровень обеспечивает устойчивость и он рассматривается не как внешний контекст индивидуальных когнитивных процессов, а как система механизмов их поддержания

и воспроизводства. В социальном взаимодействии ригидные социальные установки могут как получать подтверждение, так и подвергаться коррекции. В межличностных отношениях ригидные способы интерпретации либо закрепляются, либо модифицируются. Групповая принадлежность способна как снижать переживание неопределенности, так и усиливать зависимость от нормативно заданных способов когнитивной организации опыта.

Теоретический вклад предлагаемой модели состоит в экспликации социально-психологических механизмов в повседневном взаимодействии, групповых процессах и культурно-нормативной среде, а также в разведении диспозиционного и контурного уровней участия ИТН и в переописании содержательной стороны через понятие социальной установки. Модель позволит рассматривать ИТН, ригидные социальные установки и когнитивную ригидность не как изолированные феномены, а как взаимосвязанные элементы единой системы социально опосредованного когнитивного функционирования. Предложенная модель позволяет эксплицировать механизм повышенной уязвимости индивидов и групп к радикализации и недостоверным нарративам в периоды роста общественной неопределенности. Резкий рост средовой неопределенности усиливает авersive переживание у лиц с высокой ИТН (вход в цикл) и одновременно повышает массовый спрос на источники определенности. На этом фоне ключевую роль играет третий механизм.

Согласно теории неопределенности–идентичности, обостренная неопределенность относительно «Я» и будущего усиливает мотивацию к идентификации с группами высокой энтитативности и жесткой нормативной структурой [Hogg, 2007]. Радикальные идеологии и недостоверные нарративы функционально привлекательны именно потому, что предлагают максимально простую, замкнутую и не допускающую сомнений картину мира. Удовлетворяют потребность в когнитивном закрытии и снимают переживание неопределенности ценой утраты гибкости. Этот аргумент согласуется с представлением об идеологической приверженности как мотивированном социальном познании. Согласно Дж. Джосту и соавторам, потребность в снижении неопределенности и угрозы выступает одним из эпистемических мотивов принятия ригидных идеологических систем [Jost et al., 2003]. Когнитивная ригидность при этом снижает вероятность критической проверки таких нарративов, а групповая легитимация (механизм 3) стабилизирует их и блокирует корректирующий опыт (механизм 2). Тем самым уязвимость к радикализации предстает не как отдельное свойство, а как закономерный исход замыкания описанного цикла в условиях, когда нормативная среда общества легитимирует избегание неопределенности. Эмпирическим коррелятом этого звена служит, в частности, связь ИТН с авторитаризмом правильного толка [Зиновьева, Ениколопов, 2021, с.54]. В лонгитюдном исследовании А. Корюн и С. Сатыджи показано, что ИТН со временем усиливает иррациональные представления и руминацию ошибок, негативно сказываясь на семейной коммуникации [Körün, Satici, 2025]. В работе К. Бур и М. Дюга ИТН оказалась наиболее значимым предиктором беспокойства, перфекционизма и контроля [Buhr, Dugas, 2006], что согласуется с представлением о ее диспозиционной первичности [Dugas et al., 1998]. Третий механизм опирается на устойчивую теоретическую и отчасти эмпирическую базу: связь переживаемой неопределенности с групповой идентификацией обоснована в теории неопределенности–идентичности [Hogg, 2007], а связь ИТН с авторитаризмом правильного толка подтверждена на российской выборке студентов педагогических вузов [Зиновьева, Ениколопов, 2021, с.54] и согласуется с моделью мотивированного социального познания [Jost et al., 2003]. Связи ИТН с социально-психологическими переменными подтверждаются также данными о ее положительной корреляции с иррациональными карьерными убеждениями и

родительским критицизмом [Ari, Eşkisu, 2025]. Исследований, моделирующих полную цепь «микросоциальные и культурные предпосылки → ИТН → ригидные социальные установки → когнитивная ригидность» на российских выборках, в открытом доступе не обнаружено.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет трактовать взаимосвязь ИТН, ригидных социальных установок и когнитивной ригидности как циклический процесс взаимного воспроизводства, опосредованный социально-психологическими механизмами. Уточнить два плана участия ИТН как диспозиционный (вход в цикл и индивидуальные различия в уязвимости) и как контурный (равноправный узел самоподдерживающейся системы). Главным результатом является демонстрация того, что устойчивость дисфункциональных когнитивных паттернов вне клинического контекста объясняется именно замыканием индивидуально-когнитивной цепи на социальные процессы ее поддержания.

Практическая значимость модели связана с возможностью выделения мишеней социально-психологических интервенций. Работа с нормативным подкреплением долженствований, расширение корректирующего межличностного опыта и анализ групповых форм поддержания избегания. На макросоциальном уровне предложенная рамка связывает индивидуальную устойчивость к неопределенности с тем, насколько гибкой или ригидной является нормативная среда общества. Определяется потенциальная востребованность модели в образовательных системах, в организациях, функционирующих в изменяющейся среде, и в профилактических программах. Указанные приложения имеют статус теоретически обоснованных ориентиров и требуют эмпирической проверки. Ограничения исследования обусловлены его теоретическим характером, отсутствием эмпирической проверки модели, неравномерной эмпирической обеспеченностью отдельных ее механизмов (прежде всего механизмов 1 и 2) и преобладанием в обзоре данных, полученных на зарубежных выборках. Приоритетным направлением дальнейшей работы является эмпирическая верификация выявленных взаимосвязей на российской выборке с учетом культурного контекста.

Библиография

1. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
3. Блинова Е.Е., Давыдова Г.И., Дьяков С.И. и др. Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения: коллективная монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. 223 с.
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 500 с.
5. Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3(27). С. 135–140. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
6. Зиновьева М.М., Ениколопов С.Н. Авторитаризм и интолерантность к неопределенности у студентов педагогических вузов России // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13, № 2. С. 54–71. DOI: 10.17759/psyedu.2021130204.
7. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 19–36.
8. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006. 464 с.
9. Фейгенберг И.М. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Медицина, 1973. 184 с.
10. Ari A.E., Eşkisu M. Career decision-making difficulties in adolescents: the role of parental perfectionism, irrational career beliefs and intolerance of uncertainty // British Journal of Guidance & Counselling. 2025. Vol. 53, № 2. P. 303–321. DOI: 10.1080/03069885.2025.2463464.

11. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986. 617 p.
12. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. New York: International Universities Press, 1976. 356 p.
13. Buhr K., Dugas M.J. Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20, № 2. P. 222–236. DOI: 10.1016/j.janxdis.2004.12.004.
14. Carleton R.N. Fear of the unknown: One fear to rule them all? // *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. Vol. 41. P. 5–21. DOI: 10.1016/j.janxdis.2016.03.011.
15. Dugas M.J., Gagnon F., Ladouceur R., Freeston M.H. Generalized anxiety disorder: a preliminary test of a conceptual model // *Behaviour Research and Therapy*. 1998. Vol. 36, № 2. P. 215–226. DOI: 10.1016/S0005-7967(97)00070-3.
16. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart, 1962. 384 p.
17. Freeston M.H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M.J., Ladouceur R. Why do people worry? // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 17, № 6. P. 791–802. DOI: 10.1016/0191-8869(94)90048-5.
18. Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // *Science*. 2011. Vol. 332, № 6033. P. 1100–1104. DOI: 10.1126/science.1197754.
19. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 328 p.
20. Hogg M.A. Uncertainty–identity theory // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 39. P. 69–126. DOI: 10.1016/S0065-2601(06)39002-8.
21. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129, № 3. P. 339–375. DOI: 10.1037/0033-2909.129.3.339.
22. Katz D. The functional approach to the study of attitudes // *Public Opinion Quarterly*. 1960. Vol. 24, № 2. P. 163–204. DOI: 10.1086/266945.
23. Körün A.B., Satıcı S.A. Longitudinal serial mediation relationship of intolerance of uncertainty, irrational happiness beliefs and mistake rumination with family communication // *Psychiatric Quarterly*. 2025. DOI: 10.1007/s11126-025-10157-3.
24. Kruglanski A.W., Webster D.M. Motivated closing of the mind: «Seizing» and «freezing» // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103, № 2. P. 263–283. DOI: 10.1037/0033-295X.103.2.263.
25. Martin M., Rubin R.A. A new measure of cognitive flexibility // *Psychological Reports*. 1995. Vol. 76, № 2. P. 623–626. DOI: 10.2466/pr0.1995.76.2.623.
26. Minkov M. A revision of Hofstede's model of national culture: old evidence and new data from 56 countries // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2018. Vol. 25, № 2. P. 231–256. DOI: 10.1108/CCSM-03-2017-0033.
27. Peters A., McEwen B.S., Friston K. Uncertainty and stress: Why it causes diseases and how it is mastered by the brain // *Progress in Neurobiology*. 2017. Vol. 156. P. 164–188. DOI: 10.1016/j.pneurobio.2017.05.004.
28. Rokeach M. The Open and Closed Mind: Investigations into the Nature of Belief Systems and Personality Systems. New York: Basic Books, 1960. 447 p.

A Socio-Psychological Model of the Relationship Between Intolerance of Uncertainty, Rigid Social Attitudes, and Cognitive Rigidity

Alla N. Mezrina

Postgraduate Student,
Department of Applied Psychology and Personality Development,
Kherson State Pedagogical University,
275722, 7a, Pokrovskaya str., Skadovsk, Russian Federation;
e-mail: alla_83_ur@mail.ru

Abstract

Intolerance of uncertainty and irrational beliefs are studied primarily within a clinical-psychological, individually oriented framework, while their socio-psychological dimension remains insufficiently explored. The aim of the article is to theoretically substantiate the mechanisms linking intolerance of uncertainty, rigid social attitudes, and cognitive rigidity; and to propose an integrative

model of their mutual reproduction. Through theoretical analysis and synthesis of publications from 2019–2026, based on multilevel complementarity, A. Bandura's social-cognitive theory, the functional theory of attitudes, A. Kruglanski's theory of cognitive closure, M. Hogg's uncertainty-identity theory, and M. Gelfand's theory of tightness-looseness of cultures are integrated. An integrative cyclical model is proposed in which intolerance of uncertainty acts as a dispositional factor setting the entry into the cycle and individual differences in vulnerability, and as a node of a closed reproduction loop. The model describes three mechanisms: social reinforcement of must-urbations, interpersonal reproduction of rigid schemas, and group legitimation of uncertainty avoidance. The framework links individual tolerance of uncertainty with the flexibility or rigidity of the normative environment and describes the vulnerability of groups to radicalization and unreliable narratives, which determines its relevance in educational, organizational, and preventive contexts.

For citation

Mezrina A.N. (2026) Sotsial'no-psikhologicheskaya model' svyazi intolerantnosti k neopredelennosti, rigidnykh sotsial'nykh ustanovok i kognitivnoy rigidnosti [A Socio-Psychological Model of the Relationship Between Intolerance of Uncertainty, Rigid Social Attitudes, and Cognitive Rigidity]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (4A), pp. 196-206. DOI: 10.34670/AR.2026.20.66.022

Keywords

Intolerance of uncertainty, social attitudes, cognitive rigidity, cognitive closure, group identification, tightness-looseness of cultures, societal uncertainty, radicalization.

References

1. Anokhin, P. K. (1978). *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsionalnoy sistemy* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of the functional system]. Nauka.
2. Ari, A. E., & Eşkisü, M. (2025). Career decision-making difficulties in adolescents: The role of parental perfectionism, irrational career beliefs and intolerance of uncertainty. *British Journal of Guidance & Counselling*, 53(2), 303–321. <https://doi.org/10.1080/03069885.2025.2463464>
3. Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Prentice Hall.
4. Beck, A. T. (1976). *Cognitive therapy and the emotional disorders*. International Universities Press.
5. Bernshtein, N. A. (1990). *Fiziologiya dvizheniy i aktivnost* [Physiology of movements and activity]. Nauka.
6. Blinova, E. E., Davydova, G. I., Dyakov, S. I., et al. (2026). *Psikhologiya samoorganizatsii lichnosti i sotsialnykh obshchnostey: vyzovy i resheniya* [Psychology of self-organization of personality and social communities: Challenges and solutions]. IT ARIAL.
7. Buhr, K., & Dugas, M. J. (2006). Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry. *Journal of Anxiety Disorders*, 20(2), 222–236. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2004.12.004>
8. Carleton, R. N. (2016). Fear of the unknown: One fear to rule them all? *Journal of Anxiety Disorders*, 41, 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.03.011>
9. Dugas, M. J., Gagnon, F., Ladouceur, R., & Freeston, M. H. (1998). Generalized anxiety disorder: A preliminary test of a conceptual model. *Behaviour Research and Therapy*, 36(2), 215–226. [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(97\)00070-3](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(97)00070-3)
10. Ellis, A. (1962). *Reason and emotion in psychotherapy*. Lyle Stuart.
11. Feigenberg, I. M. (1973). *Veroyatnostnoye prognozirovaniye i prednastroyka k dvizheniyam* [Probabilistic forecasting and pre-tuning to movements]. Meditsina.
12. Freeston, M. H., Rhéaume, J., Letarte, H., Dugas, M. J., & Ladouceur, R. (1994). Why do people worry? *Personality and Individual Differences*, 17(6), 791–802. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)90048-5)
13. Gelfand, M. J., Raver, J. L., Nishii, L., et al. (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study. *Science*, 332(6033), 1100–1104. <https://doi.org/10.1126/science.1197754>
14. Gordeeva, S. S. (2016). Sushchnost i struktura sotsialnoy ustanovki v sotsiologii i sotsialnoy psikhologii [Essence and

- structure of social attitudes in sociology and social psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 3(27), 135–140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>
15. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Sage.
16. Hogg, M. A. (2007). Uncertainty–identity theory. *Advances in Experimental Social Psychology*, 39, 69–126. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
17. Jost, J. T., Glaser, J., Kruglanski, A. W., & Sulloway, F. J. (2003). Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 129(3), 339–375. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.3.339>
18. Katz, D. (1960). The functional approach to the study of attitudes. *Public Opinion Quarterly*, 24(2), 163–204. <https://doi.org/10.1086/266945>
19. Kornilova, T. V. (2014). Tolerantnost k neopredelennosti i emotsionalnyy intellekt pri prinyatii resheniy v usloviyakh podskazki [Tolerance for uncertainty and emotional intelligence in decision-making under hints]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 4, 19–36.
20. Körün, A. B., & Satici, S. A. (2025). Longitudinal serial mediation relationship of intolerance of uncertainty, irrational happiness beliefs and mistake rumination with family communication. *Psychiatric Quarterly*. <https://doi.org/10.1007/s11126-025-10157-3>
21. Kruglanski, A. W., & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing". *Psychological Review*, 103(2), 263–283. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.2.263>
22. Martin, M., & Rubin, R. A. (1995). A new measure of cognitive flexibility. *Psychological Reports*, 76(2), 623–626. <https://doi.org/10.2466/pr0.1995.76.2.623>
23. Minkov, M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, 25(2), 231–256. <https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033>
24. Peters, A., McEwen, B. S., & Friston, K. (2017). Uncertainty and stress: Why it causes diseases and how it is mastered by the brain. *Progress in Neurobiology*, 156, 164–188. <https://doi.org/10.1016/j.pneurobio.2017.05.004>
25. Rokeach, M. (1960). *The open and closed mind: Investigations into the nature of belief systems and personality systems*. Basic Books.
26. Sergienko, E. A. (2006). *Ranneye kognitivnoye razvitiye: novyy vzglyad* [Early cognitive development: A new view]. Institute of Psychology RAS.
27. Vygotsky, L. S. (1960). *Razvitiye vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [Development of higher mental functions]. APN RSFSR.
28. Zinovieva, M. M., & Enikolopov, S. N. (2021). Avtoritarizm i intolerantnost k neopredelennosti u studentov pedagogicheskikh vuzov Rossii [Authoritarianism and intolerance of uncertainty among students of pedagogical universities in Russia]. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*, 13(2), 54–71. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130204>